

От заката до «Рассвета»

Бориса Васильевича Пряженцева нет, наверное, нужды представлять нашим читателям. В районе его хорошо знают. Много лет возглавлял он одно из самых крепких хозяйств — колхоз имени Мичурина. Года два проработал председателем РАПО. Но «бумажная» деятельность явно не отвечала его наклонностям, и он вновь ушёл в председатели. В настоящее время Пряженцев руководит акционерным обществом «Рассвет» — так красиво нарекли на заре рыночных реформ мини-завод по переработке мяса, расположившийся на территории колхоза имени Пушкина, за деревней Хороброво. Сказать, что предприятие процветает, — значит, погрешить против истины. До процветания пока далеко. Но, как говорит сам директор, период становления позади. Надо думать о том, как развиваться дальше.

От заката до «Рассвета» пять лет пути

Однажды Борис Васильевич Пряженцев понял: прежней колхозной жизни приходит конец, к закату дело движется. Как бы ни сложились обстоятельства в будущем, но того, что было раньше, уже не вернуть.

Не думаю, чтобы подобный ход событий шибко радовал Пряженцева. Всё-таки вся жизнь связана с этой самой колхозно-совхозной системой. Всю жизнь он в ней работал. И кое-чего добился. И вот тебе на: пришли какие-то там реформаторы и вознамерились всё разом переиначить. О том, как оценивает Борис Васильевич содеянное «так называемыми демократами», мы ещё скажем. Пока же ограничимся следующим замечанием: может, для кого-то прежний хозяйственный уклад на селе и был «агроулагом», но только не для Пряженцева. Узником он себя никогда не считал и не считает. И полагает, что в условиях прежней системы можно было очень многого добиться. В особенности, если бы село было в центре внимания не от случая к случаю, не от компании к компании, а постоянно и повсеместно.

Так что повода для радости в происходящем на селе Пряженцев не видел. Но и сделать основным своим занятием плач по рухнувшей системе он тоже не мог. Как человек от природы энергичный, он предпочёл действовать. Поначалу подумывал Борис Васильевич о создании агроконсорциума. Но стало ясно, что всё хозяйство вытянуть не удастся. Не то время, не та ситуация. Надо сосредоточиться на чём-то одном. Вот тогда и возникла мысль о создании перерабатывающего предприятия. Естественно, сделать это силами только колхоза имени Пушкина было невозможно. Пряженцев нашёл соучредителя в лице тогда ещё не растерявшей свою былую социалистическую мощь фирмы «Зарубежэнергострой».

Мясокомбинат строить начали в девяностом году на пустом месте за деревней Хороброво. И только в конце девяносто пятого он заработал. Можно себе представить сколько всяческих преград пришлось преодолеть за эти пять лет. В основном всё всегда упиралось в деньги. И сейчас в них упирается. Московские соучредители тоже сегодня отнюдь не период расцвета переживают. О колхозе говорить и вовсе не приходится. Сегодня, например, нужны средства на строительство очистных сооружений. Но где этот миллиард взять?

— Увы, Чубайс мне денег не даст, — смеётся Борис Васильевич.

Между тем, без очистных комбинат не может работать в полную силу. То есть складывается классическая ситуация — для того, чтобы зарабатывать деньги в будущем, нужно

иметь их уже сегодня. Есть над чем задуматься каждому желающему проявить себя в сфере производства.

Но как бы там ни было, путь от заката колхозной жизни до акционерного общества «Рассвет» всё-таки пройден.

— Период становления позади, — подводит промежуточные итоги директор. — Теперь надо развивать производство дальше.

В рай покуда не пускают

Мощности хоробровского мясокомбината используются лишь на тридцать процентов. Можно было бы предложить торговле широчайший выбор мясных изделий, но приходится ограничиваться полуфабрикатами. Хотя научились здесь и деликатесы делать — копчёности всякие, одни названия которых аппетит пробуждают. Но не до них пока «Рассвету», да и массовому покупателю, кстати говоря, тоже. Вот дешёвые полуфабрикаты разбирают мигом, комбинат едва успевает заявки на них выполнять. В Переславле хоробровскую продукцию можно видеть в одной из палаток «Славянского базара», в крытом рынке, что в Кривоколенном переулке, в других торговых точках. Но это, конечно, не крупный бизнес, приносящий огромные доходы. А тут ещё налоги, да всё растущие цены на электроэнергию и на многое-многое другое. В общем, рады бы в рай, да не пускают. За грехи, наверное. Только вот вопрос: за чьи?

Когда деревья станут большими

Как бывший председатель колхоза, поработавший в этой должности при социализме и после него, Борис Васильевич Пряженцев имеет что сказать по поводу «текущего момента»:

— Колхозно-совхозная система оказалась всё-таки удивительно живучей. Лет семь уже душат её и никак задушить не могут. А почему? Много сделано было в рамках той системы, много в неё вложено. Сломать её и то непросто оказалось. Но ведь рано или поздно придётся на её месте что-то строить. И это будет ещё труднее, чем ломать.

В своих оценках Борис Васильевич бывает резок и категоричен. И не всегда с ним можно согласиться. Но нельзя и не прислушаться к его мнению. Мнению человека, долгие годы работавшего на земле, и работавшего, как уже говорилось, весьма успешно.

— То, что сделали с колхозами и совхозами, — это настоящий геноцид, — утверждает Пряженцев. — Другого слова я не могу подобрать. Земля уже не то что сорняками, лесом зарастает. Веками пашня обрабатывалась, а за несколько лет довели её до ужасающего состояния. Слова о том, что земля всему основа — это ведь не лозунг, не красивая фраза. Это жизнь.

С этим, конечно, не поспоришь. Но всё же хотелось бы сказать следующее. В период всеобщей растерянности сам Борис Васильевич Пряженцев думал о том, как жить и работать дальше. И выход нашёл. В то время как другие руководители подобной предприимчивости почему-то не проявляли. Кто мешал какому-либо из хозяйств заняться переработкой? Ведь сколько ещё в годы застоя говорили и писали в том же «Коммунаре» о необходимости иметь в районе пусть не мясокомбинат, а хотя бы убойный пункт. Но разговоры так и оставались разговорами.

Теперь о земле. Да, многие хозяйства забросили свои владения. Но не везде ведь так. Не заросли сорняками земли в товариществе имени Ленина. Там урожаи растут из года в год. Почему? Да потому, что директор Людмила Васильевна Терентьева делает для этого всё возможное и невозможное.

Борис Васильевич, впрочем, и сам признает, что от руководителя везде и всюду зависит очень многое. Наверное, согласится он и с тем, что мало критиковать режимы и системы, надо ещё думать и работать, а не ждать, когда на бывших пашнях деревья станут большими. Во всяком случае, сам он именно этим и занят — работает и думает над тем, как преодолеть неблагоприятные обстоятельства.

Кого кормит фермер?

Несколько лет назад столичные публицисты и экономисты бурно дискутировали на животрепещущую тему: кто накормит Россию? В состоянии ли справиться с этой задачей российский фермер?

Директор акционерного общества «Рассвет» весьма скептически оценивает возможности энтузиастов-единоличников, отважившихся двинуться по тернистому пути

— По большому счёту фермерство у нас — это очередная авантюра, рождённая в верхах. Обманули людей, лапши на уши навешали. Как можно работать, ничегошеньки абсолютно не имея? Знаю я одного героя-энтузиаста, Володей его зовут. Сказать, что работает на износ, — это слишком мягко будет. Скотину накорми, подои, навоз убери — и всё это вручную. Молоко переработай, отвези, куда надо, и ещё множество дел переделай. Дома ему даже мусор подмести некогда. И зачем это всё? Кому нужно? И ведь главное-то в том, что продукции наш Володя в результате такого каторжного труда выдаёт не больше, чем доярка колхозной фермы. Но у неё остаётся время и на личное хозяйство, на домашние дела, на семью. У нашего же фермера на всё это времени нет. Так что не в наших нынешних условиях по этой стезе идти. Вот когда будет возможность взять кредит под приемлемый процент, придти в магазин и купить всё, что тебе нужно в хозяйстве — от оборудования до трактора, вот тогда другое дело. А пока это всё авантюра, иначе не назовёшь. Не имеющим твёрдой поддержки фермерам дай Бог себя самих прокормить. На большее пока рассчитывать не приходится. Обманывали, выходит, нас господа-демократы, когда обещали, что фермеры за 2—3 года Россию досыта накормят.

Владеть землёй имеем право?

— Борис Васильевич, Вы, наверно, как и многие аграрии, против частной собственности на землю?

— На этот вопрос нельзя ответить коротко. В принципе я считаю, что земля должна принадлежать человеку, на ней работающему. Но необходимо сделать ряд оговорок. Во-первых, частные наделы должны использоваться только для сельхозпроизводства. И, конечно, прежде чем продавать землю, надо смотреть, кому продаёшь. Я читал, например, что в Америке для того, чтобы заниматься тем же фермерством, нужно иметь сельскохозяйственное образование. И это, считаю, справедливое требование. Ведь мало землю любить. Её надо знать, надо не просто хотеть, но и уметь на ней работать. А то ведь как бывает: приезжает в наши края отставной полковник, захотелось ему после долгой ратной службы покрестьянствовать. Хороший он человек, замечательный, но не верю я, что справится он с землёй, что не запустит её в силу полного отсутствия опыта и знаний. Я вовсе не против индивидуального труда на земле. Животноводство считаю коллективным делом, а вот землю пахать лучше бы человеку, которому она принадлежит. Это плохо, когда работают по такой схеме: агроном сказал — механизатор сделал, агроном забыл — механизатор тем более не вспомнит. Надо, чтобы человек не по указке работал, чтобы чувствовал землю, знал её, как свои пять пальцев. Вот потому и считаю, что люди, имеющие определённые навыки и знающие хлеборобское дело, имеют право на владение землёй.

К вопросу о созидании и разрушении

— Сегодня в районе идёт великая ломка. Разбирают по кирпичику фермы, комплексы и многое другое. А у Вас, Борис Васильевич, как с этим делом обстоит?

— У нас не ломают. Пустует сейчас бывшая кроликоферма, но мы её сторожим. Самим нужно это помещение, надеюсь, что в недалёком будущем пригодится. Мы ведь не оставили пока мысли заняться разведением пушных зверьков. Есть 216 гектаров пашни, на которых можно корма выращивать, есть отходы с основного производства, есть, наконец, и пустующая ферма. Но есть и масса всяческих «но». Прежде всего опять-таки финансовых. Так что вопрос пока в стадии проработки. А что касается разрушения бывших ферм и комплексов, то это действительно нечто кошмарное, чертовщина какая-то, иначе не скажешь. Это как

в животном мире — появилась у поросёнка на задю болячка, загрызут собратья по стайке... Или кур взять. Выпадет у одной перо из хвоста — так каждая норовит клюнуть её в оголившееся место. Так и заклюют до смерти. Вот и у нас примерно так получается — кто-то отодрал лист шифера, и пошла цепная реакция... Диву даёшься, такие фермы, такие здания разбирают. Неужто никому не нужны они? И должен сказать, не только в нашем районе так. Какая-то всеобщая вакханалия...

К сказанному Борисом Васильевичем остаётся лишь добавить следующее. Оказывается, если охранять пустующее здание, то у него есть шансы уцелеть. Как уцелела у Пряженцева бывшая кроликоферма. Выходит, всё дело опять-таки в отношении людей, прежде всего, конечно, руководителей, к своему добру. На заброшенной земле растут деревья, а на покинутые помещения быстренько находят «похоронные команды». И ни о каком созидании говорить уже не приходится, когда и с тем, что есть, расстаются без сожаления.

«Коммунар» читаю почти 30 лет

Именно столько, почти тридцать лет, прошло с тех пор, как вернулся Борис Васильевич на Ярославщину после своей сибирской отлучки. И все эти годы выписывает и читает нашу газету. Разумеется, не во всём он согласен с редакцией и публикуемыми ею материалами. Взять, к примеру, вопрос о сокращении чиновничьего аппарата. Пряженцев твёрдо уверен:

— Никогда его сократить не удастся. Он обладает поразительной способностью разрастаться. И у нас в колхозах-совхозах так было. Сидели когда-то в конторах по 2—3 человека. А что потом случилось? Двухэтажные здания для управленцев строить стали. Демократы тоже в начале перестройки мечтали бюрократию под корень подрезать. Что имеем в итоге? Да, партаппарат разогнали, союзные структуры тоже. Но меньше ли стало чиновников? Вряд ли. На душу населения их теперь, может, даже и больше, чем было. Потому я противник всяких объединений, разъединений, реорганизаций. Всё должно делаться лишь с совершенно конкретной и всем понятной целью.